

II

Зоя. Только три буквы, а когда их поставишь вместе, они делают чудеса... «Как прекрасен и богат русский язык!» — думал я, красиво выписывая это имя на листе бумаги, приготовленной для составления хронологии по истории всех времен и народов... Рано утром, едва раскрыв глаза, я распахивал окно в сад и шептал: «Здравствуй, Зоя!» Поздно ночью, когда затихал город и в мягкой тишине весенней на крыльях теплого ветерка над ним носились обрывки садовой музыки, я вглядывался в звездное небо и шептал: «Спокойной ночи, Зоя!»

Каждое утро, отправляясь на экзамен, я заходил в сад и проходил мимо той скамьи, на которой сидела Зоя. И возвращаясь с экзамена, я не мог не зайти туда и не посидеть на этой милой скамеечке. И все я ждал, не промелькнет ли в зелени стройная фигура девушки... Редкие проходящие женщины заставляли меня вздрагивать и пугаться... Опять не она! Пропала... Ах, белый голубь, куда ты улетел?..

Однажды, когда я, почти уже отчаявшись увидеть белого голубя, уныло бродил по саду с «Историей средних веков» Иловайского, навстречу мне показалась шумливая стайка гимназисток с аккуратно завязанными в ремни книгами. Как стая птиц: без умолку щебечут, смеются и звенят радостными голосами... Зоя! Она!.. Она!.. Будь что будет...

— Здравствуйте!

Поднял шляпу и протянул руку. Покраснела, немного растерялась, но руки не отвергла, спросила:

— Кончили?

— Почти... Одна история и — созрею...

Гимназистки пропустили нас вперед и, идя позади, тихо посмеивались и переговаривались между собою. Зоя шла, опустив голову, и односложно отвечала на мои вопросы о том, где она будет жить летом, что ей больше нравится: сирень или черемуха, как ее величают.

— Зоя Сергеевна, я так долго ждал.

— Чего?

— Встречи...

— С кем?

— И вы спрашиваете!..

Догадалась, вспыхнула и, обернувшись, заговорила с подружкой... Теперь я шел, понуриив голову, и тщетно искал выхода из безвыходного положения. Всего лучше было бы откланяться и отойти. Но какая-то сила, властная и непоборимая, мешала мне сделать это. И я шел, как привязанный на веревочку, рядом и напрягал все умственные способности, чтобы сгладить неприятное впечатление от своей неудачи. Понемногу и как-то незаметно отстали все другие, и мы с Зоей очутились вдвоем. Долго мы шли молча, словно просто попутчики, но вот в моих ушах зазвенел смех:

— Я дома... До свидания!

Она протянула мне руку и скрылась в калитке. Я тяжело вздохнул, снял шляпу и отер со лба холодный пот безвыходности. Оглядел с головы до ног дом, где жила Зоя, прочитал номер, фамилию домохозяйина, заглянул во двор... Там, за палисадником, — одноэтажный приземистый флигель в три окна... Так вот где скрывается мой белый голубь с толстой золотой косой!..

Дома учил хронологию и зудил «средние века», а мысль упиралась и настойчиво возвращалась в тот век, в который я встретил Зою.

«Итак, — говорил я, — скажите мне, чем замечателен Пипин Короткий? Но вместо Пипина Короткого выплывал образ стройной белой девушки, и я растерянно мычал:

— Пипин... Пипин... Короткий... Почему Короткий?.. Скажите, Зоя Сергеевна, чем замечателен Пипин Короткий?.. Ах, черт бы тебя, Пипин, взял!.. Барбаросса... Карл Смелый... Карл Лысый... Карл Святой... Нет Карла Святого — Святой Людовик!.. А Людовик Лысый был? Кажется — был, а впрочем... Голова болит. Пойду в сад, а потом уж — Пипин...

Я бросил историю и шел в сад мимо дома № 15. Это было не совсем по пути, но зато сильно увеличивало шансы на встречу с Зоей. А я изныл, ожидая этой встречи. Проходя мимо дома, я замедлял шаг и мимоходом бросал взгляд в калитку. В саду сидел все на той же лавочке и ждал, словно мне было обещано свидание. Но вот однажды, когда истощилось мое терпение, я снова рискнул на отчаянный шаг: с восьми часов утра я встал на дежурство к воротам дома № 15. Теперь свидание обещено: она пойдет в гимназию через эту калитку...

Стою на другой стороне и томлюсь. Поглядываю на часы... «Однако не торопится».

— Ах ты... сонливая!..

Вышла. Так неожиданно, словно выпустили птицу из клетки... Сменяю торопливость солидным крупным шагом делового человека, перебираюсь на другую сторону и иду по следу. Покашливаю.

— Зоя Сергеевна!

— А, вы!..

— Я! Могу пройти с вами?

— Конечно.

— Дайте понести мне ваши книги.

— Мне не тяжело.

— Дайте, пожалуйста!

— Если вам так хочется...

— Очень хочется!..

Получил книги и понес их как святыню... Золотая коса. Синие глаза. Почему, когда смотришь на вас, то забываешь о всех Карлах, Пипинах и о всех Людовиках, сколько бы их ни было на свете?..

— У вас золотые волосы!..

Зоя гордо встряхнула головой и чуть-чуть улыбнулась.

— Я теперь часто вижу вас во сне.

— Один раз и я вас видела...

— Неужели? Как я счастлив!..

— Я о вас не думала... Не знаю, почему... при-
снились...

— Я постоянно думаю о вас...

— Слышите, как пахнет апельсинами?

— Кто-то играет увертюру из «Кармен»...

Утро было прекрасно; из раскрытых окон неслись то гаммы, то обрывки знакомых пьес; пахло апельсином, сиренью, травой, медом... Люди шли какие-то свежие и радостные, бодрые, и все улыбались. И я, люди, счастлив: мне улыбается Зоя! Теперь она в коричневом платье, а все-таки кажется мне светлой, белой, как белый голубь с коричневыми подпалинами... Отчего?.. На ней — белый фартучек.

Как скоро: уже дошли до гимназии.

— Ну, давайте книги!

Не хочется отдавать книги. Милые книги: их перелистывают Зоины руки.

— Ну, скорей! Опоздаю на молитву...

— Как я хотел бы помолиться вместе с вами...

— Какой вы богомольный!..

О, как она мне улыбнулась! Если бы вы знали, как она мне улыбнулась! Закружилась голова от этой улыбки: поцеловал книги и отдал.

— Возьмите! — сказал я и вздохнул.

Пошла, обернулась, на мгновение задержалась в дверях.

— Зоя Сергеевна! Когда увидимся?

Не слыхала...

III

...Уж если повалит счастье, так со всех сторон: свалились с плеч все Пипины, Карлы и Людовики... А вечером занимаюсь с Зоей по алгебре... Не понимает решения уравнений со многими неизвестными. А это так просто... Есть два способа... Звали сегодня на пирушку товарищи (ведь все мы сегодня созрели!), да уж, верно, после алгебры... Взял алгебру и так любовно развернул ее, словно сто лет ждал этого случая. Трепетно ищу уравнения!.. Вот они, голубчики! Так... Икс, игрек, дзет... Пишу икс, а с бумаги смотрит на меня друг и брат...

— Обедать!

— Некогда.

— Разве ты не совсем созрел?

— Окончательно созрел. Бесповоротно.

— Так на кой черт тебе эти иксы с играками?

— Простая любознательность.

— Простынет суп.

— Ну и черт с ним! Икс равен игрек плюс дзет минус абе, деленному на... на... на...

...Простыл суп. Черт с ним, с супом: через два часа — урок по алгебре... Что же, я не лишен педагогических способностей. Но какая ученица! Всю жизнь можно просидеть за алгеброй и не почувствовать к ней ненависти. В ожидании урока я деловым шагом меряю комнату и гордо говорю:

— Квадратные уравнения со многими неизвестными решаются двумя способами. А именно...

И представляю себе слушающую ученицу, объясняю, как именно они решаются...

— Не так, Зоя! Не так, голубчик.

— С кем ты разговариваешь?

— Так... сам с собой...

— Не спятил ли от зрелости-то?

Солнышко спряталось за крышами. Протянулись долговязые тени по лужку двора. Уплыл куда-то резкий шум улиц... Только со двора неслется задорный крик ребятишек, азартно сражающихся в бабки: звонко стучат кости и плитки, а потом — взрыв криков, смеха и брани... Нет сил ждать. Лучше пойти потихоньку, прогуляться... Не беда, если придешь немного раньше... Зоя живет самостоятельно: на квартире. Кому какое дело! Для собственного ободрения громко кашлянул и, набросив на голову, по возможности небрежнее, шляпу, с папиросой в зубах для наглядного показания своих прав «созревшего», отправляюсь на урок с алгеброй в одной руке и с корявой палкой — в другой. Прохожу мимо дома № 15 — раз, другой, третий, заглядываю в калитку и решаюсь переступить ее и войти во двор. Немилосердно бьется сердце. Почему? Ведь я не вор, не преступник... Я иду с добрым намерением — помочь в алгебре... Почему влажен лоб и руки? Неряха: не догадался вымыть рук. Чу! — это ее голосок. Сделал серьезнейшее лицо и двинулся вперед.

— Ну, вот и я. Здравствуйте, Зоя Сергеевна!..

Смутилась, вспыхнула румянцем и сказала:

— Страшно что-то. Вы — строгий?

— Я? Строг, но справедлив.

— Я — бестолковая... Предупреждаю...

— А вот увидим...

— Хотите, будем заниматься в палисаднике?

Там есть столик...

— Прекрасно! Это очень хорошо...

— Ну, тогда идем...

Палисадник маленький, но густой со старыми березами и акациями. Уголочек большого сада.

Стол — под навесом переплетшихся ветвей. Немного сумрачно. Видно окошко Зоиной комнаты, с белой занавеской, с букетом лиловой сирени на подоконнике... Уселись друг против друга, раскрыли алгебру.

— Итак, уравнения со многими неизвестными...

Говорю как профессор: гладко, без запинок, с уверенностью. Не смотрю на ученицу, а так, больше чувствую, что она, облокотясь на локти, смотрит на меня и внимательно слушает... Переходим к решению задач:

— Берем сперва с тремя неизвестными: икс, игрек и дзет.

Тут уж ничего не поделаешь: надо сесть рядом. Зоя под села ко мне и опустила головку над иксами и играками... Что со мной? Почему прыгают неизвестные величины? Я весь во власти обволакивающей меня паутины, невидимо исходящей от белой девушки... Это не чувственность. Нет, это что-то чистое-чистое, как лучи солнца, долго прятывшегося в тучах ненастья и вдруг выглянувшего и облившего и тело, и душу сверкающей лаской и предчувствиями какой-то новой радости... Мое солнце! Оно так близко. Иногда его горячее дыхание струится на щеку, и тогда совсем исчезают на бумаге иксы и игреки... Вот рука, с тонкими, длинными пальчиками, ложится на бумагу:

— Почему икс равен игреку плюс 562 минус игрек квадрат, деленному на...

Боже мой! Почему? Ничего не понимаю...

— Как почему? Очень просто...

Начинаю писать что-то многоэтажное и путаюсь в кружевах иксов, игреков, дзетов, в плюсах, минусах, квадратах... А упавшая с плеча коса золотится на столе под самыми иксами... Пытаюсь выпутаться из получившейся вермишели из неизвестных и чувствую, что гибну.

— Я — бестолковая... — шепчет Зоя, с обидой, почти со слезами в голосе!..

— Попробуем обратиться к другому способу... Маленький перерыв...

— Устали?

— Немного.

— Беденькая!

Рука бессильно лежит на бумаге. Голова откинулась к стволу старой березы. Синие глаза смежились. А на лице — виноватая улыбка страдающего самолюбия. Бесконечно жаль! Проклятые иксы и игреки! Я коснулся бессильной руки, она вздрогнула пальчиками. Раскрылись синие глаза, ласково сверкнули мне и прикрылись тонкой ручкой...

— Слышите: в саду уже играет музыка! — печально сказал девичий голосок.

Алгебра раскрыта, с укоризной смотрят с бу маги иксы и игреки, а из сада доносится музыка.

— Из «Кармен»... Тореадор...

Зоя грустно подпевает:

— «Тореадор, смеле-э-йе... Тореадор...»

— Ну, давайте по другому способу... — неожиданно оборвала она пение и вздохнула: — Вы умный, а я...

— Иксы еще ничего не доказывают. В ваших глазах...

Что-то хотел сказать глубокое и поощрительное, но не вышло: запутался в красноречии. Сели опять рядом и приступили к другому способу. Легкий способ! Быстро поняли и оба засмеялись от удовольствия...

— Вот видите: а говорили, что бестолковая!

— Вы прекрасно объясняете. Спасибо!

В саду играли еще «Тореадора», и когда милая ученица протянула мне руку в знак благодарности, я приложил ее к губам и обжегся...

Зоя закрылась рукою и, погрозив пальчиком, ласково прошептала:

— Не надо!

— Хотите, Зоя, вернемся к первому способу?

— Завтра. А сегодня... Что-то мне хочется послушать музыку.

— Прекрасно!

Она вскинула на меня синие глаза и вдруг потупилась... Словно сказала: «Победитель ты, Галлилеянин!»

— В сад?

— Да. Я — сейчас... Переодеюсь...

Убежала. Хожу по дорожке вокруг двух старых берез, и ликует моя душа, и хочется на весь мир засмеяться от счастья...

— «Тореадор, смелей-е, Тореадор, Тореадор! Помни, что...»

— Я готова.

Милая! Как к ней идет голубенькая вуалетка! Цветок с родных полей. Взял бы тебя на родину, привез к матери и сказал:

— Мама, вот моя невеста!..

И все, в восхищенном восторге, воскликнули бы:

— Боже мой, как она красива!..

Я шел и потихоньку любовался ею. А она это чувствовала: улыбка не сходила с ее лица, и светлая гордость сияла в нем в розовых сумерках тихого вечера...

Гуляли по безлюдным аллеям, избегая встреч и докучливых вопросов. Никого нам не было нужно и нас — никому. Одни и вместе... О чем говори-

ли? О голубой вуалетке, о том, как странно, что мы встретились вот на этой самой аллее, чужие, далекие, а теперь...

— А теперь?..

— Теперь мне кажется, что мы с вами, Зоя, знакомы сто лет...

— Через сто лет нас не будет...

— А мне кажется, что мы никогда не умрем, а будем жить вечно... На этой лавочке, где вы, Зоя, тогда сидели, я часто потом сидел и думал: есть судьба, которая управляет человеком... Ей, судьбе, зачем-то понадобилось столкнуть нас.

— А вы недовольны?

— Благословляю!

— Да?

— А вы, Зоя, сомневаетесь? Благословляю и этот сад, и эту аллею, и тот день... И алгебру!

— Алгебру!

— Да, и алгебру...

— Дайте руку: кто-то идет, я боюсь пьяных...

Я подал ей руку и почувствовал, как Зоя прильнула ко мне плечом — благодарно и доверчиво...

— Зоя! Зоя! Если бы вы знали!

— Не надо говорить... Я знаю.

— Да?

— Да.

IV

Алгебра прошла благополучно, диплом о зрелости был в кармане, а я не уезжал на родину... Мы решили ехать по Волге вместе, а у Зои оставалась еще геометрия...

— Можно вам помочь по геометрии, а то скучно болтаться...

— Я геометрии не боюсь...

— Нельзя? Окончательно?

Я смотрел так умоляюще, что Зоя покачала головой и сказала:

— Разве... Я не совсем понимаю объем усеченной пирамиды...

— Ну вот. Отлично! Пройдем и разберемся.

— А там... и конец... Еще три дня.

— Так завтра прийти?

— Хорошо.

Два дня я мешал Зое заниматься геометрией. На третий она отказалась от моей помощи.

— С вами хуже...

— Я не буду мешать. Я сяду в уголке и буду слушать и смотреть, как вы занимаетесь.

— Нет.

— Окончательно?

— Да.

— Ну а как же завтра.

— Пойду сдавать, а послезавтра поедем...

— Перепутал... Я думал, мы едем завтра... На «самолетском»?

— Да. Уходит в семь утра...

— Значит, до парохода не увидимся?

Зоя отрицательно качнула головой и сказала, понизив голос:

— До Симбирска вместе, а там... я слезу, а вы — дальше...

И радость, и горе... вместе... Я крепко пожал руку девушки и почувствовал ее ответное пожатие...

— До свидания!

...Томительно тянется день, какой-то ненужный, лишний день в жизни, день, который не знаешь куда девать. О, с какой радостью я подарил бы его тому, кто дорожит каждым днем жизни! Возьмите его!.. Вот идет старенький чиновник и ведет за руку весело лепечущего ребенка. Очевидно, дедушка и внучек. Возьми, дедушка, мой лишний день! — ведь тебе дорог уже каждый час, отдаляющий тебя от смерти, а мне... я вычеркиваю его из своей жизни: сегодня я не вижу Зою... И завтра тоже не увижу: возьми и «завтра»! Нет, «завтра» не отдам: утро мудренее вечера...

А вечер дивный. Горят в окнах призрачные огни заката, и кажется, что это не дома, а замки, в которых пируют рыцари с красными огнями пылающих факелов... Горит на горе золотой купол собора, словно обломок солнца упал с розового неба... Музыка гремит в далеком саду и тихо струится из раскрытых окон: та — зовет на пир, а эта — к тихой, нежной грусти... Снова и грусть, и радость: скоро я буду ехать по родной Волге с любимой, с моим белым голубем, но скоро же и улетит он, белый голубь, от меня... Был в саду и облегчил свою душу воспоминаниями, походил по той дорожке и посидел на той лавочке, где встретился и сидел с Зоей. Послушал грустный вальс, который играл про мою тоску и про мое одиночество, и медленно побрел по улицам, по направлению к дому № 15... Только загляну в калитку и пройду, посмотрю на старые березы, под которыми занимался алгеброй, и скроюсь. Никто не увидит и никто не узнает...

Иду и живу одним ожиданием скорой близости к заветному дому... Вот и улица, лучшая теперь для меня улица во всем городе. А вон и дом, ворота и калитка!.. Замедляю шаги, а то пройдешь — и все кончено: неловко несколько раз заглядывал в калитку... А вдруг... Хотелось верить в чудо, в Божью помощь. Вдруг из калитки выйдет Зоя? Нет!

Пусто... Заглянул; сквозь листву берез и акаций светится в невидимом окне огонек: не спит. На белом фоне занавески шевелится темный профиль... Она: милый профиль любимого лица!.. Проклятая собака залаяла, — думает вор.

— У, дура!

Быстро вышел из калитки и пошел прочь. А собака провожает лаем.

— Да будет тебе, проклятая!

Прибавил шагу и завернул за угол.

— Ух!..

Остановился, снял шляпу и посмотрел в небо. Уже заискрились звезды. Ах, как сильно откуда-то наносит сиренью!.. А музыка в саду поет кларнетами: «Эх, ты ноченька», жалобно, словно плачет... жалеет меня, одинокого...

— «Только был один да мил-сердеченый друг...» — подтягиваю кларнетам, а они отвечают мне:

— «Да и тот забыл меня, горькую...» «Подлец» — браню «мил-сердечного друга» и горжусь силой своей любви: я никогда не разлюблю белого голубя... это — немыслимо!..

Смолк город; задумчиво смотрит на него луна и все думает о людях, которые спрятались в больших каменных домах и которые одиноко бродят ночью по пустынным улицам... Медленно потухают звезды, а на кладбище поет соловей... О чем он поет мертвым!.. Быть может, соловей рассказывает им о том, что ничто не изменилось на земле с тех пор, как они зарыты, все так же любят и ненавидят, все так же смотрит на город луна с неба и серебрит купол старого собора... «Не завидуйте, мертвые! — говорит им соловей. — Все эти люди, которые сладко спят теперь в домах и которые одиноко бродят по улицам, все обречены той же участи... И когда-нибудь вот этот юноша, который так счастлив теперь, что не может спать, будет гнить в земле, а другой такой же юноша будет ходить ночью по тихим улицам и не спать от счастья». И луна думает о том же!.. И звезды!.. И тихая, кроткая весенняя ночь!..

— Куку-рекууу...

Запел петух где-то далеко. Который час? Считаю медленно плывущие с кладбищенской церкви удары колокола. Два. Крепко спит теперь моя Зоя и не знает, что я тоскую... Пойду домой.

Бледно-зеленое небо уже вздрагивало предчувствиями близкого солнца, когда я вернулся в свою комнату. Распахнул створки окна, постоял и послушал предрассветный шепот в саду, за собором, сонное попискивание каких-то птичек, похожее на золоту арфу гудение телеграфных проволок на столбе под окном, глубоко медленно

вздыхнул и, прошепав: «хорошо на свете!», стал раздвигаться... Лег, вытянул усталые ноги и, умиротворенный сознанием, что я любим, перекрестился.

— Благодарю тебя, Господи!

Закрыв глаза, улыбаюсь своему счастью и отдаюсь неясным, легким трепетам души, словно слушаю далекую, нежную музыку...

Не спал, а плавал на золототканых грезх дремотной фантазии полюбившего, любимого и юного... Сны голубые, белые, прозрачные и пугливые... Синие глаза, золотистые волосы, опущенные ресницы, улыбка на розовых, как утренняя заря, губах... Все плывет в дремотном тумане и сливается с шепотом деревьев в саду за забором, с щебетанием просыпающихся птиц и запахом умывающейся росой сирени...

— Благодарю тебя, Господи!

Заснул сладко и крепко и спал, как хорошо накормленный матерью грудной младенец. Заползла муха в раскрытый рот — разбудила...

Город шумит, поет, торопится, бранится. Трещат на мостовой кованые железом колеса, кричат продавцы зелени, молока, мороженого, гнусаво поют стекольщики и угольщики, ругаются на дворе соседние по квартирам кухарки, кудахчет курица, дерутся воробьи, где-то звонко колотят молотками каменщики. Солнце смеется в окно...

— Эх, проспал: Зоя теперь уже на экзамене, не поймаетшь ее у калитки!..

Умылся прямо из водопроводного крана: вода — как лед. Окатил ею голову — приятно. Словно новая голова выросла, умная и бодрая...

Выпил у раскрытого окна стакан чаю с душистым лимоном и мягкой, вкусной булкой и начал укладываться. Разбирал учебники, одни откладывал — можно продать букинистам, — а другие бросал на пол, и они валялись там, как трупы в мертвецкой... Ах, алгебра!.. Раскрыл алгебру на квадратных уравнениях и, поцеловав иксы с игреками и дзетами, любовно уложил в чемодан... Напевал: «Прощай, милая, надолго, навсегда, уезжаю я в низовы города», рвал конспекты, хронологии, сочинения по русскому языку, тетради с экстемпоралиями...

— Ах, Пипин Короткий! Мое почтение! Как поживаете, черт бы вас подрал!

В клочки рвал «Историю средних веков» Иловайского и приговаривал:

— Вот так! Вот этак! Карлы, Людвиги, Хлодвиги, Святые, Лысые, Толстые, Благочестивые!..

— Войдите!

— Вам письмо.

— Ага!

От мамы... «Милый Геня! Почему ты молчишь? Мы беспокоимся: не провалился ли ты из-за проклятого латинского или греческого...»

— Списал, мама, на четверку!..

«Ради Бога телеграфируй, здоров ли».

— Здоров, милая мамочка, и счастлив... Очень! «Сегодня видела сон: будто ты пришел домой худой, истерзанный, и говоришь: "Прощай, мама, я умер"...»

— Жив, мама, жив! И даже очень!..

«У нас гостит твоя троюродная сестра Калерия, которую ты никогда еще не видал».

— Да нет и особенного желанья, мамочка!

«Красива, но взбалмошна, бросила мужа и с ребенком прикатила к нам. Ни капельки не тоскует: поет и хохочет, как девчонка, а ей уже двадцать четыре года. Ждет тебя — хочет, зачем-то, учить латинский язык... Вообще — пустая особа, и я очень не рада этой гостье: бесцеремонна и беспардонна». — Ну и черт с ней!..

V

— Прощайте!

Все ли? Чемодан тут... Подушка с одеялом... Палка... Плед... Гитара...

— Трогай!

Мягко покатила пролетка по лужку двора и потом громко застучала по мостовой. Ну, слава Богу! Все идет прекрасно... Как приятно уезжать... С любовью смотрю на знакомые улицы, на прохожих и проезжих: так бы и раскланялся! Вон знакомый крендель над булочной. Вон «Парикмахерская», где меня стригли... Театр, почта, золотоголовый собор, сад...

— Прощай, сад! Спасибо!

Выехали из города; потянулась слобода с шумливыми мелочными лавочками, трактирами, пивными, ломовыми извозчиками, безграмотными вывесками... Вон: «Карасин, Паперосы, а также Чай и Кофей»...

— Прибавь! Прибавь! Опоздаем. Пароход уходит в восемь.

— На этот опоздаешь, на другой попадем! Их много отходит...

— Мне нельзя на другом, а надо на «Самолет».

Уже близко пристани: клубится дым паровозных труб, гудят свистки, то басом, то дискантом, обгоняют спешащие на пароходы пассажиры... Скорей! Подскакиваю на пролетке, помогаю лошади и тычу в спину извозчика...

— Тпру!

— Вишь, и не опоздали. Зря горячился, гнал... За это надо прибавить.

— Матрос, на паролод!..

Матрос забрал в руки все мое имущество, и мы торопливо зашагали по скрипучим мосткам.

— Какой паролод?

— «Гоголь».

— Свисток был?

— Два. Сейчас отваливает...

Торговцы, рассевшиеся вдоль мостков, хватают за полы и за руки, предлагая колбасу, семгу, булки, чулки, гребешки...

— Куда мне к черту!

Гудит последний свисток, а они... Вот дурачьё. Дорогу!

...Уф! Наконец-то! Теперь уж спокойно. Она где-нибудь здесь... Да вон она, у перил балкона!.. Внимательно ищет кого-то глазами, ждет и страшно волнуется... Конечно, меня. Милая, как она волнуется! Не спешу успокоить: очень уж радостно видеть, как она ждет меня. Снимают трап. Зоя перегнулась через перила. Оглушительно зашумел под колесом пар, паролод вздрогнул и стал медленно отдаляться от пристани... Что с ней? Отирает платочком слезы...

— Зоя!

Обернулась и радостно схватила за руку, а в глазах — слезы...

— Вы здесь? Когда? Как же это так... Я проворонила вас...

Звонко смеется, лицо рдеет румянцем, и не знает, что еще сказать.

— Вы... плакали, что ли?

— Нет... О чем мне плакать?.. Что-то попало в глаз...

— Не надо тереть...

— Вы во втором классе?

— Да. А вы?

— Я — тоже.

Улыбнулись друг другу и стали быстро ходить по балкону вокруг паролода...

— Ах, как я люблю Волгу и паролод! А день-то какой! Как стекло вода... Чайки! Давайте кормить чаек!

Мы бросали чайкам кусочки белого хлеба, и чайки на лету ловили их, ныряли в воздухе над кормой паролода и дико вскрикивали, встряхивая крыльями... Кругом налаживалась своеобразная речная жизнь: под шум хлопающих по воде колес пассажиры читали, дремали, слонялись по палубе, распивали чай, позванивали посудой и ложечками, а некоторые уже аппетитно поедали рыбные солянки и сочные бифштексы с кровью... Бегали взапуски звонкоголосые ребятки, где-то внизу повар рубил «под польку» котлеты, и, как улей, гудел чернорабочий люд... Надоело Зое кормить чаек.

— А знаете, я сама не прочь бы покушать.

Уселись в рубке и стали совещаться, что бы заказать на завтрак... И во всем мы находили повод смеяться, радоваться, и, должно быть, наши глаза не могли скрыть того, что было в сердце: когда я в ожидании завтрака пошел к себе в каюту, чтобы придать своей шевелюре наивозможнейший поэтический вид, лакей постучал в дверь, приоткрыл ее и сказал:

— Супруга вас ждут кушать!

Это была столь приятная неожиданность, что я не стал опровергать ошибки:

— Скажите, что я сейчас приду...

— Слушаюсь.

Кушаем. Изредка взглядываем друг на друга и смущенно улыбаемся. Зоя хозяйничает, угощает... Наклоняясь друг к другу, тихо подтруниваем над пассажирами, вскакиваем смотреть на встречные паролоды, машем платками и снова бежим к столу... На нас смотрят с завистью одинокие мужчины и заглядываются на мою золотоволосую спутницу... Нахалы! Злобно бросаю на них уничтожающие взгляды, прошу Зою сесть к ним спиной. Слава Богу, поняли, болваны, что рискуют нарваться на человека, который не привык шутить. Я называю мою милую — Зоей, она меня — Геннадием... И в этом — неизъяснимая прелесть. На «вы», но без величания — и в этом есть красивая простота, и чистая близость, и бережное отношение к своему счастью... Мягко вздрагивает паролод всем корпусом, и весело позванивают на столе бокалы и рюмки. Я прикрыл лицо рукой и смотрю через промежутки пальцев на Зою... Боже мой, какая это красота! Не оторвешься. И опять всего меня обволакивает излучение этой красоты, как во время занятия алгеброй, в палисаднике. Я опьяняюсь этой красотой и тону в ней, растворяюсь...

— Геннадий! Вы о чем задумались?

Дает же Бог человеку такой голос! Сердце сжимается от этого голоса.

— Благодарю Тебя, Господи! — шепчу я и, отняв от лица руку, не могу оторвать глаз от девушки.

— Вы молитесь Богу?! А стерлядь в томате? Не хотите?

Даже о стерляди у нее выходит поэтично и удивительно мило.

— Стерлядь... Буду, буду!.. Разве можно отказываться, когда вы говорите о стерляди?..

Протяжно загудел свисток паролода: пристань... Оба вскочили из-за стола... Зоя подхватила меня под руку, а рука ее прикрыта концом накинутой на плечи толковой тафты... В дверях наскоро отодвинул шелк и на одно мгновение кос-

нулса тонкой руки губами. Не заметила, а может быть, не хотела заметить: иногда в ее глазах сверкал хитрый огонек... Стоим у перил и смотрим на суетню по берегу. Рядом стоит пожилая женщина в платочке, с сочувственной улыбкой смотрит на нас и ласково спрашивает:

— Молодожены вы, что ли?

Зоя покраснела и, отвернувшись, сморщила лоб и пристально уставилась на береговые горы, а я покачал отрицательно головой...

— Сестра? Больно уж дружны. На редкость... Теперь братья-то с сестрами как собаки с кошками, а вы... Даже приятно смотреть. У нас чтобы брат сестре когда-нибудь руку поцеловал, этого никогда не увидишь!..

Зоя убежала в рубку и, когда я вернулся туда, надула губки и не смотрела на меня... Подошел лакей с салфеткой подмышкой и спросил:

— Кофе или чай прикажете?..

— Кофе.

— А вашей супруге?

Зоя вскочила и убежала в свою каюту...

— С чего вы взяли, что это — моя супруга?

— Виноват-с!.. Я так полагал... Ошибся...

— Идите! Ничего не надо. Не пожимайте, пожалуйста, плечами!..

— Я не пожимал-с...

— Нет, пожимали! И опять пожимаете...

— Это по привычке-с.

— Очень скверная привычка.

Я сердито бросил нож и вышел из-за стола. Испортили отношения. Мерзавцы! Какое им дело: муж я, или брат, или сват...

Я ходил кругом парохода и искал Зою... Скрылась... Стоит обращать внимание на такую глупость!.. Эх! Спряталась. Рассердилась. На что? Разве я виноват?.. Ну, извини, прости, пожалей...

А время бежит. И так недолго быть вместе, а тут еще эта история... Где ее каюта? Иду и прикидываю умом, которое окно ее каюты... Вот это!.. Слегка, осторожно, боком взглянул на окно, и вдруг оно опустилось и стукнуло: закрылось решеткой... Как это понять? За что? У меня навернулись слезы, и весь я как-то разом ослабел и упал духом... Неужели все кончено? Я присел на лавочку под Зоиним окном, опустил голову и закрыл глаза. Мерно вздрагивал я вместе с пароходом, и в голове моей носились мысли о том, что нет на свете ничего прочного и вечного и что не стоит жить... Эх ты!.. А я думал, что ты действительно любишь сильно и красиво... Не любишь!

Опять ходил кругом и снова присаживался под загадкой захлопнутого окна. Не открывается. Постучать? Неудобно и обидно: я не нищий, про-

сящий подавания, а... Я не находил для себя подходящего определения... Все слова казались маленькими или пошлыми...

Опять гудит пароход, опять пристань, суетня, ругань грузчиков, торопливая команда капитана, свистки, грохот сходней, и пароход снова бежит в голубую даль водяной равнины, туда, где на высоких горах стоит белый в зелени город Симбирск... Там с парохода сойдет мой чистый белый голубь и оставит меня с моей тоской и разбитыми грезами... Не беги так быстро, пароход! Не гонись за быстротечным временем! Ты снова вернешься к этим берегам, а мое счастье унесешь, и оно не возвратится. Быстро несутся полые воды разлившей Волги, крутятся водоворотами, пенятся мохнатой пеной под кормой и помогают пароходу догонять время... Нельзя остановить... Что же делать? Что делать?.. Господи, помоги мне!

Я ушел в свою каюту и написал на клочке бумаги: «Кто любит сильно, тот ничего не боится. Я не виноват, что не мог скрыть от шпионов своей любви. Да и зачем, любя, притворяться, что не любишь? Я должен знать: любим мы друг друга или притворяемся?» Побродив по коридорчику, я выбрал момент и втолкнул запяточку под дверь Зоиней каюты... Хожу вокруг парохода и, как преступник — приговора, жду ответа. Сел под окошечком, за которым будет произнесен приговор над моим счастьем, и спиной, через стенку каюты, ловлю каждый шорох, каждый звук там, за стенкой... Что это? Смех? Издевательство? Не может быть!.. Кровь бросилась в лицо, а потом захотелось упасть на лавку и разрыдаться. Но за спиной раздался осторожный стук и шорох отодвигаемой решетки, и я вздрогнул словно от электрического удара, но боялся обернуться.

— Милый, мне стыдно... — прошептал кто-то сзади, и снова стукнула оконная решетка...

Я быстро обернулся к окну, но было поздно. Неудержимая радость хлынула в мою душу и затопила ее до краев. Я вдруг расхохотался, сорвался с места и стал, как сумасшедший, кружиться по палубе.

— Какой я идиот! Какой идиот! Какая дубина! — вслух бранил я себя и, выбрав момент, когда вблизи никого не было, проворно перекрестился и прошептал:

— Благодарю Тебя, Господи!

И опять засверкала Волга под солнцем, и засверкала моя душа, и запрыгало сердце...

— «О, Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» — декламировал я, стоя на носу парохода под теплым встречным ветерком, трепавшим мои

волосы под широкополой шляпой, и радостно и жадно смотрел вперед, навстречу своей судьбе...

Однако время уходит... Близится вечер: под горами уже легли на воду тени... Опять загудел пароход: пристань... Как часто!

VI

«Солнце село, до Симбирска всего пять-шесть часов езды, а ты... Ведь — "ты"? да?... А ты прячешься. Времени осталось мало, а нам так много надо сказать друг другу... Я жду и тоскую» — моя записка.

«Пусть немного стемнеет, я надену другое платье, покроюсь платочком и сяду на корме. Ты придешь. З.» — ее записка.

«Не могу ждать. Открой хотя наполовину окно каюты, а я сяду под ним. Если не откроешь — значит, мало любишь. Г.» — мое возражение.

В ответ стукнуло окошечко, и в его рамке нарисовалось пунцовое от стыда личико с опущенными ресницами... Даже уши горели под золотом волос. И смущенная улыбка чуть-чуть шевелила губы.

— Нехорошо так думать, как... вы... обо мне...
— Вы?

— Ну... ты...

И отвернулась...

— Можно к... тебе?

— Нет, нет...

— Ну, сядь хотя к окну!..

— Мне стыдно говорить «ты»... Я... люблю... но говорить так... не могу...

Милая!.. Почти плачет... Ну, Бог с тобой, будем опять на «вы»!..

— Сядьте к окну. Я прошу вас, Зоя Сергеевна!

— Хорошо. Но вы... рассердились? да?

— Да нет же, нет!

Уселись: я под окном, она — у окна. Тихо, не глядя друг на друга, переговариваемся:

— Еще несколько часов и — прощайте! Надолго...

Вздых. Молчание.

— Забудете?

— Нет. Будем переписываться...

— Я буду тосковать и жить только вашими письмами.

— Зажигают маяки...

— Как красивы эти красноватые и желтые огоньки над фиолетовой водою! А горы уже нахмурились.

— Вы, Зоя, долго пробудете в Симбирске?

— Нет, сейчас же уеду: там будут ждать лошади... Прямо с пристани в тарантас и...

Вздых. Молчание.

— Я тоже буду скучать по вас, Геннадий.

— Милая! Протяни мне руку.

— Боюсь — увидят...

— Ради Бога! Люди далеко...

Тихо дотронулась до моего плеча, и щека моя ощутила теплоту и слабое прикосновение. Я закрыл глаза и, повернув голову, коснулся руки губами.

— Идут.

Синим и розовым туманом подернулись речные дали. Ярко краснел маяк в луговой стороне. На кожухе парохода зеленеет отблеск сигнального фонаря; на мачте, высоко под небом, как звезда, лучится синеватый электрический огонек. Темной стеной бегут в темную даль прибрежные горы... Уже доносятся с них обрывки соловьиных песен. Из горных оврагов порой, вместе с влажной прохладой, прилетают пряные запахи цветущей земли... На пароходе стихло: одни поддались нежной грусти и мечтательности; другие, плотно пообедав, спали по каютам. У всех уже пропала любознательность по отношению друг к другу... Я ходил, напевал: «Что же не приходишь, мой неверный друг?» и поглядывал на светящееся занавешенное окошечко... Погасло: значит, переделась и сейчас выйдет... Обогнул нос парохода и потянул на корму. Она!.. Как молоденькая послушница из монастыря... Темненькая, скромненькая, кроткая... Кутается в шаль, прячет милое личико и подбородок, а глаза потемнели, как небо, и сверкают, как звезды. Золотистая прядь волос бьется над головой, и во всей фигуре — затаенное ожидание...

— Как ты изменилась! Ты похожа на монашенку...

— Теперь никто не узнает...

Я сел рядом, совсем близко. Наши плечи касаются. Она еще больше спряталась под шалью. А шаль спрятала наши руки, и они жмут друг друга и говорят о том, как мы счастливы. Проходят мимо люди и не видят, что наши руки сплелись и без слов рассказывают о тайнах взаимности...

— Любишь? — спрашивает моя рука.

— Крепко! — отвечает рука девушки.

— Не забудешь?

— Никогда!

— Счастье! Радость! Как передать тебе грусть и радость моей любви?

— Молчи — я знаю...

— Зоя! Посмотри, как смотрят на нас звезды!

— Им завидно.

— Слышишь, как грустит в лесу на горах соловей?

— О чем?

— О том, что скоро-скоро мы расстанемся...

— У-уууууу! — кричит свисток парохода, и испуганно сжимаются наши сердца мыслью: «Скоро — разлука!» А в горах — это: «уууу!»...

Ночь, темная, безлунная. Только огромные звезды трепещут в темной синеве небес, мешаясь с огнями далеких встречных пароходов. Плотнее прижимаемся друг к другу, словно боимся, что Кто-то всесильный встанет между нами...

— Поцелуй меня!

— Опомнись! Что ты говоришь?!

А сама прижалась еще ближе и нервно вздрагивает и оглядывается по сторонам. Зачем? Боится ли, что кто-нибудь услышал неосторожное слово, или хочет и боится поцеловать? Кто скажет? Об этом знают только звезды, но они не скажут даже мне... Прошел какой-то одинокий человек и оглянулся на нас. Уходи! — не твое дело...

— Поцелуй!

— Потом... после...

— Не обманешь?

Пожала руку и шепнула:

— На прощанье! Пойдем пройтись... Тут — любопытные...

На прощанье!.. Опять защемило сердце... В загадочной зловещей темноте нагорного берега то мигали, то потухали искры огней, словно кто-то подавал условные знаки нашему врагу.

— Какая пристань?

— Симбирск! Далеко его видать: на горах он.

Мы прижались друг к другу и молчали, устремив взоры в темноту, где все чаще вспыхивали зловещие огни невидимого города.

И любил я этот город, и ненавидел... Милый, родной город, береги мое счастье! Проклятый! — ты разлучаешь нас...

— Надо собираться, — грустно сказала Зоя и глубоко так вздохнула.

— Рано еще... Погоди!.. Я помогу тебе.

— У меня все разбросано...

— Пойдем: не хочу смотреть на твой Симбирск!.. Взорвал бы твой Симбирск на воздух, а тебя увез бы с собой. Я тебя не пущу...

— Ой! Больно руку... Надо собираться. Пусти!

Она забеспокоилась о вещах, заговорила о расплате с прислужгой, о каком-то письме, о лошадях, которые должны ждать ее в Симбирске. Она уже наполовину была не со мной, и это больно обижало мое чувство. «Забудешь!»

— Что вы говорите?

— Опять — «вы»!

— Надо идти... Пока до свидания...

— А ты не забудешь?

— Что?

— Что — обещала.

— Что обещала?

— Эх ты!.. Поцеловать...

— Да.

Вырвала руку и побежала в свою каюту. А я подошел к окну с намерением полюбоваться на моего голубя последние минуты.

— Нельзя: у меня все разбросано...

Окно закрылось решеткой. Я постоял перед темным окном и, отойдя к перилам, погрозил горящим в темноте светлякам-огням города:

— Проклятый!

А он не боялся и все ярче и гуще разбрасывал свои огни на высоких темных горах.

— Вот и Симбирск! — произнес кто-то в темноте с радостью в голосе.

— Ну а что же дальше? — сердито бросил я в темноту.

— Ничего! Симбирск, говорю.

— Вижу. Не слепой...

— То-то и есть! Слезать мне.

— А мне какое дело? Сделайте одолжение, я не задерживаю.

— Уж конечно, вас не спрошусь, а сам слезу... Губернатор какой!

Невидимый пассажир пошел в одну сторону, я — в другую.

— Зоя! Можно?..

— Ннн... ну уж ладно, идите...

— Давайте я затяну ремни!

Схватил чемодан, злобно уперся в него коленом и, натянув ремень изо всех сил, оборвал пряжку.

— Эх, черт!.. Пряжки! Ну да обойдемся и без нее... Готово!

— Кажется, все...

Зоя печально огляделась по сторонам, задумалась, потом посмотрела с жалобной улыбкой на меня. Вздохнула и повторила:

— Теперь все...

И опустила голову... А я поднял голову, встряхнул волосами и взял ее руку.

— Ну, скажи мне что-нибудь на прощанье!

— У-уууу! — загудел свисток...

Зоя торопливо перекрестилась.

— Я жду...

Девушка рванулась ко мне и вдруг, закрыв лицо руками, остановилась. Я привлек ее к себе и поцеловал в щеку.

— Не забудешь?

— Нет.

— Уверена в этом?

Она не ответила, только кивнула и сконфуженно взглянула мне в глаза...

На палубе беготня, за окном — шум и перекрестный говор. Пристали.

— Пора!

— Пора.

— Милая, голубок мой!.. Пора.

— Надо матроса.

— Свободен? Бери вещи!..

— Ну, будь здоров, не грусти...

— Нет, нет, я провожу тебя... Человек! Перенесите мои вещи в эту каюту: я хочу — здесь, в твоей...

Гуськом спустились вниз по винтовой лестнице и с волною народа проплыли на пристань.

— Барышня! Барышня! Я — здесь...

— А, Семен! Приехал?

— С утра жду. Давай-ка вещи-то, сам донесу...

Семен отобрал у матроса вещи и поволок их на берег. Мы шли позади молча и не знали, о чем говорить... Загудел свисток парохода, я схватил обе руки девушки и стал их покрывать жадными, торопливыми поцелуями. Она приостановилась и, освободив руку, перекрестила меня:

— Иди, милый!.. Все равно уж...

А в голосе — дрожь и близкие слезы...

— Ууу-у-у!..

— Прощай!

— Не забывай!

Расстались. Ушла и быстро исчезла в темноте... А я, вбежав на балкон парохода, долго вперялся в темноту ночи и жадно вслушивался: не звенят ли на горе колокольчики. Мешают: шумят, стучат, бранятся на пароходе и на пристани, дрожит и ворчит пароход, кто-то где-то плачет, и кто-то смеется... И в третий раз загудел пароход, и гулким эхом отозвалась ему темнота: «у-у-у»!

— Прощай! Может быть, ты тоже смотришь с горы на огни парохода и говоришь мне «прощай»! — Да, ты смотришь, я это знаю, и думаешь обо мне... И, может быть, ты, как и я, отираешь платком слезы...

Убегал пароход во мрак ночи, все дальше и дальше... А я стоял и смотрел на мигающие мне огни города, отнявшего у меня любимую девушку. Но вот огни стали прятаться, редеть и потухать. Тьма и звезды, вверху и внизу — тьма и звезды!..

— Прощай!

Продолжение следует.